

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. С. КУЗНЕЦОВ

ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ФОНОЛОГИИ

1. Фонологическая дискуссия, открытая несколько лет назад на страницах «Известий Отделения литературы и языка АН СССР», завершилась, не достигнув желаемого результата. Фонологические работы, появившиеся после того как у нас, так и за рубежом, никоим образом не могут удовлетворить с точки зрения строгости и внутренней непротиворечивости построения. Имеются в виду, в частности, недавние работы Р. Якобсона¹ и Р. И. Аванесова². Изучение этих работ приводит к мысли, что все же наиболее стройной и наиболее непротиворечивой является та система, которая в свое время была предложена так называемой московской фонологической школой, представленной в работах В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова и Р. И. Аванесова³, ныне отошедшего от нее и создавшего новую теорию, компромиссную с теорией Л. В. Щербы. Не имея сейчас в виду детального критического разбора этой теории, отметим ее наиболее существенные недостатки.

Во-первых, не следует думать, что эта теория не дает никакого представления о действительности: она его дает, но в значительно более сложном и громоздком виде, чем теория московской фонологической школы. А из двух теорий, дающих одна более простую, другая более сложную картину действительности (причем эта сложность не зависит от сложности самих отношений, наблюдающихся в действительности), конечно, должна быть принята та, которая дает более простую и вместе с тем стройную картину.

Во-вторых, эта новая теория не свободна от противоречий. Разграничивая понятия сильной и слабой фонемы, Р. И. Аванесов тем не менее считает, что состав фонем языка (при наличии сильных и слабых фонем) — это состав лишь сильных фонем, но не совокупности сильных и слабых фонем⁴. При этом говорится просто о составе фонем, а не о составе сильных фонем. Но если в состав фонем (просто, вообще фонем) не входят

¹ См., например, R. Jakobson and M. Halle, *Fundamentals of language*, 's-Gravenhage, 1956.

² См. Р. И. Аванесов, Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; его же, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956.

³ См., например, Р. Аванесов и В. Сидоров, Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка, «Русский язык в советской школе», 1930, № 4; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941; П. С. Кузнецов, К вопросу фонологии ударения, «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948.

⁴ См. Р. И. Аванесов, Фонетика..., стр. 30.

слабые фонемы, то значит они не фонемы. Однако Р. И. Аванесов утверждает, что они фонемы.

В-третьих, фонологический подход к явлениям звуковой стороны языка смешивается с чисто фонетическим подходом. Недаром Р. И. Аванесов считает ценным в концепции Л. В. Щербы положение о наличии у каждой фонемы во всех ее вариантах своих строго определенных физиолого-акустических признаков¹, и, напротив, упрекает представителей московской фонологической школы за то, что в их понимании фонема лишена определенной физиолого-акустической характеристики².

Наконец, в-четвертых, он упрекает порой представителей московской фонологической школы в том, в чем они вообще неповинны. Так, в качестве одного из недостатков этой школы Р. И. Аванесов отмечает то, что так называемые варианты фонем рассматриваются по преимуществу со стороны своей эквивалентности фонеме в ее основном виде, в то время как различительная способность вариантов оказывается в тени³. Между тем этот вопрос ставился в работах московской фонологической школы⁴.

Полагаю, что концепция так называемой московской фонологической школы сохраняет свое значение и в настоящее время. Однако многое в ней нуждается в более строгом обосновании, некоторые же положения требуют несколько иной интерпретации.

Несмотря на то, что на протяжении последних десятилетий очень многое было сделано в этом направлении, многое вообще в языкознании, не только в фонологии, требует более строгого обоснования. Для языкознания должна быть разработана своя аксиоматика, т. е. формулированы основные определения и положения, принимаемые без доказательств, с тем, чтобы все последующие доказательства опирались именно на эти определения и положения, чтобы в дальнейшем рассуждении не вводилось таких положений, которые не были формулированы вначале, как бы самоочевидны они ни казались. Строгая аксиоматика в языкознании до сих пор в полном виде не осуществлена. То, что назвал в свое время аксиоматикой языкознания К. Бюлер⁵, не является аксиоматикой в строгом смысле слова⁶. В применении аксиоматики к языкознанию иногда усматривают опасность идеализма, предполагая произвольность выбора аксиом и отсутствие их связи с действительностью. Но ведь аксиомы даже в математике, наиболее абстрактной из наук, источником своим имеют действительность. И это не только у истоков математики, т. е. тогда, когда она только зарождалась как теоретическая наука. И теперь, на современном этапе развития математики, лишь математики формального направления

¹ См. Р. И. Аванесов, *Фонетика...*, стр. 38.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 39—40.

⁴ См., например, П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, стр. 158; в этой статье применительно к русскому и французскому языкам говорится о противопоставлении варианта двух совпадающих в определенной позиции фонем другим фонемам в той же позиции. Конечно, о различительной функции вариантов говорится меньше, чем о различительной функции фонем, но вполне достаточно. Требовать детального разбора всех случаев отношений вариантов, в которых совпадают в слабом положении различные фонемы, — это все равно, что требовать бесчисленного повторения всего хода решения однородных задач с различными числовыми данными, когда уже выведена общая формула их решения.

⁵ См. K. Bühler, *Die Axiomatik der Sprachwissenschaften*, «Kant-studien», Bd. XXXVIII, Hf. 1—2, Berlin, 1933.

⁶ Верно определяя в начале этой работы общие задачи построения лингвистической аксиоматики, основную часть работы К. Бюлер посвящает по существу развитию основных лингвистических понятий. Здесь нет определения того, какие понятия должны быть приняты как исходные, какая система независимых друг от друга определений и положений (постулатов) должна быть принята и положена в основу дальнейших рассуждений и доказательств.

строят аксиомы, совершенно игнорируя то реальное содержание, которое они представляют, математики же иных направлений и прежде всего те, которые опираются на положения диалектического материализма, считают необходимым содержательное обоснование аксиом¹.

Для каждой области языкознания должна быть выработана своя система аксиом, с тем условием, конечно, чтобы она не противоречила системе аксиом другой области языкознания, если в ней такая система также будет выработана. Проще всего такая система аксиом может быть разработана для фонетики и фонологии. Здесь речь будет идти специально о фонологии.

2. Раньше чем формулировались определения и аксиомы какой бы то ни было области (в нашем случае фонологии), необходимо определить, какие понятия являются для нас исходными, или, иначе говоря, мета-понятиями. Эти мета-понятия частью относятся к вещам очевидным и вообще не требующим обоснования (или не могущим быть обоснованными), частью же могут быть строго определены или выведены из каких-то других понятий, но это выведение лежит за пределами фонологии, она пользуется ими как готовым материалом. Существенным является лишь то, что если соответствующие понятия и могут быть строго формулированы или выведены, то это делается во всяком случае без использования тех понятий, которые относятся специально к области фонологии и которые в дальнейшем здесь будут определены. Существенным является также то, что, поскольку некоторые понятия определены как исходные или как мета-понятия, — в дальнейшем изложении не будут использоваться как мета-понятия никакие другие понятия.

Принимаемые здесь мета-понятия следующие. Существуют различные языки, а внутри каждого языка некоторые диалекты. В любом языке имеются слова, и эти слова имеют некоторые значения, причем разные слова обычно (но не всегда) имеют разные значения, но бывает, что разные слова имеют одно значение (это так называемые синонимы). Слова распадаются на морфемы, которые также имеют некоторые значения (вопрос об отличии характера значений слов и морфем для данной работы не существует). Возможно, что не во всех языках слова разбиваются на морфемы, но для подавляющего большинства известных языков это так. Помимо указанных понятий, будут также приняты понятия языка и речи (в понимании де Соссюра).

Особо следует остановиться на понятиях из области фонетики (не фонологии), которые будут использованы в качестве мета-понятий. Таким понятием прежде всего является понятие звука речи, которое, однако, должно быть если не определено, то во всяком случае описано, поскольку под этим термином понимаются по существу две различные вещи. Во-первых, любое высказывание любого говорящего на любом языке, иначе говоря, любая речь состоит из некоторой последовательности звуков речи. Любой звук речи может быть ограничен от звука речи предшествующего и последующего. Это может быть сделано с разной степенью точности, какими средствами — в данном случае безразлично. Несмотря на наличные артикуляционные и акустические переходы от одного звука к другому, такое разграничение проведет любой говорящий

¹ См. «Математика, ее содержание, методы и значение», т. I, М., 1956, стр. 51. Ср. у одного из крупнейших американских специалистов по математической логике Ст. К. Клини: «... чтобы математическое творчество не сводилось к бессмыслице, должно иметься какое-то соответствие между этими результатами (т. е. теми результатами, которые получены из аксиом. — П. К.) и некоторой действительностью, лежащей вне аксиоматической теории» (см. Стефен К. Клини, Введение в мета-математику, перев. с англ., М., 1957, стр. 44).

на данном языке, с большей степенью точности наблюдатель-лингвист, еще с большей степенью точности — прибор. Возможность выделения звука речи в речевом потоке я принимаю как всегда осуществимую. Так, например, в русском слове *стол* мы всегда выделим четыре звука речи — *с-т-с-л*. Во-вторых, один и тот же звук речи при его бесчисленном повторении в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем) мы можем узнать и отождествить (т. е. мы можем, например, для русского языка отождествить *с* в форме *стол* и *с* в форме *стал* в качестве одного звука речи *с*). Это с обычно мы также называем з в у к о м р е ч и. Однако звук речи во втором смысле слова не является таким понятием, которое может быть принято в качестве исходного, вследствие чего я считаю необходимым дать ему определение (см. ниже).

Из области фонетики будет также использовано понятие *с л о г а* (речевой поток всегда можно расчлениить на слоги), понятие *г л а с н ы х* и *с о г л а с н ы х* звуков, а также понятие *у д а р е н и я* (для данной работы понадобится лишь так называемое *д и н а м и ч е с к о е* *у д а р е н и е*). Наконец, будут использованы различные термины артикуляционно-физиологической характеристики отдельных звуков и общее понятие фонетических (позиционных) условий. В качестве исходного принимается также понятие *ф о н е т и ч е с к о г о* *с л о в а*, границы которого могут не совпадать с границами слова как единицы лексической и морфологической.

Единственное понятие, которое должно быть определено из области фонетики, а не взято в качестве мета-понятия, это понятие звука речи во втором смысле, или (название вводится во избежание путаницы) з в у к а я з ы к а. Звуком языка называется множество звуков речи, частью тождественных, частью близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем). Границы области, образуемой этим множеством, могут быть несколько различны в зависимости от средств, какими мы пользуемся при их установлении. Этими средствами могут быть: 1) ощущение самих говорящих на данном языке, 2) ощущение наблюдателя-лингвиста с тонким в лингвистическом отношении слухом, 3) экспериментально-фонетические приборы. Не вдаваясь в вопрос о том, как осуществляется самое определение близости, все же можно утверждать, что если мы возьмем какой-то произвольный звук речи (в данном случае именно звук речи), то мы всегда можем определить область, расположенную между границами *е* и *е₁*, внутрь которой попадает данный звук речи, а также другие звуки речи, близкие ему в артикуляционно-акустическом отношении; вся совокупность этих звуков речи (включая и данный) и образует звук языка¹.

3. Теперь обратимся к основным понятиям фонологии и их определению.

Основным понятием фонологии является фонема². Каждый язык или диалект обладает определенным конечным числом отличных друг от друга фонем. Каждая фонема представляет собой некоторый класс звуков речи; как увидим дальше, фонемы и звуки языка могут представлять собой классы взаимно пересекающиеся. Здесь не ставится вопрос о возможном количестве звуков речи и даже о том, может ли встретиться случай, когда

¹ Должен сказать, что в моей работе 1941 г. не было введено понятия звука языка в том смысле, как оно только что сформулировано, и термины «звук языка» и «звук речи» употреблялись недифференцированно, в одном и том же значении.

² Фонологические средства языка не исчерпываются фонемами, о чем мне уже неоднократно приходилось писать. Кое-что требует уточнения и более строгого определения и здесь. Но это вопрос особый, и в настоящей статье я его касаться не буду.

класс не будет содержать ни одного звука речи, поскольку заранее неизвестно, содержит ли данный класс хотя бы один элемент. Впрочем заранее можно сказать, что нецелесообразно устанавливать для какого бы то ни было языка такие фонемы, которые не содержат ни одного звука речи¹.

Определить принадлежность того или иного звука речи к той или иной фонеме, не принимая во внимание морфем, в составе которых фигурирует тот или иной звук речи, невозможно. Принадлежность различных звуков речи к одной фонеме определяется не артикуляционно-акустической близостью их, т. е. не принадлежностью к одному или близким друг к другу в артикуляционно-акустическом отношении звукам языка, а положением звуков речи в морфеме.

Каждая фонема данного языка или диалекта отлична от всех остальных фонем того же языка или диалекта. Это следует понимать в том смысле, что нельзя применительно к какому бы то ни было языку или диалекту ставить вопрос, существует ли в нем, например, фонема *a* или *t*, но только — существует ли фонема *a* или фонема *t*, отличная от таких-то и таких-то фонем. Что же касается звуков речи или звуков языка, то такой вопрос вполне законен.

4. Любой звук речи находится в составе какой-то морфемы и занимает в ней (среди других звуков речи) определенное по счету место. Множество звуков речи в составе соответствующей морфемы, повторяемой практически в составе различных слов в различных высказываниях бесконечное число раз, занимающих каждый раз то же порядковое место в составе этой морфемы, принадлежащих частью к одному и тому же, частью к различным звукам языка (последнее исключительно при условии зависимости от позиционных, т. е. фонетических, условий и вне зависимости от того, в составе какой морфемы и какой формы слова находятся соответствующие звуки), входит в одну фонему или принадлежит одной фонеме. Так, например, звук *к* в конце корневой морфемы слова *снег* в им. падеже ед. числа (фонетически *с'н'ек*) и звук *г* в конце той же морфемы в род. падеже ед. числа (фонетически *с'н'эга*) входят в одну фонему, поскольку глухой согласный *к* в первой из этих форм обусловлен позиционно (на конце слова в русском языке любой шумный звонкий согласный невозможен и всегда сменяется глухим независимо от того, в составе какой морфемы он находится). Точно так же звук *Λ* (в старомосковском произношении *a*) и звук *o*, занимающие второе по порядку место в корневой морфеме слова *гора* в им. падеже ед. числа и в вин. падеже ед. числа (*гору*), входят в одну фонему, поскольку наличие *Λ* (*a*) в первой из этих форм фонетически обусловлено (*o* в этих фонетических условиях по нормам русского литературного языка невозможно, и любое *o* в составе любой морфемы, т. е. в этом фонетическом положении, сменяется *a* или звуком, близким к последнему).

Два множества звуков речи, относительно каждого из которых установлена вышеуказанным способом принадлежность одной фонеме, принадлежат к двум различным фонемам, если в составе каждого из этих множеств имеется хотя бы по одному звуку речи, удовлетворяющих следующим условиям: принадлежа оба к двум различным звукам языка, они занимают соответственно одно и то же порядковое место в двух различных словах, причем все остальные звуки речи обоих слов образуют пары, члены каждой из которых тождественны друг другу по порядковому месту, занимаемому каждым в своем слове, и по звуку языка, которому они принадлежат. При этом оба слова в целом тождественны друг другу

¹ Вопрос о таких фонемах был мной рассмотрен еще в 1941 г. (см. П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе..., стр. 170—171).

и в остальных звуковых признаках (помимо пар различающихся звуков), т. е. в ударении, в слоговой структуре. Под словом понимается в данном случае слово в любой его грамматической форме. Так, например, вышеуказанным способом устанавливается, что различные гласные одной и той же корневой морфемы в таких словах, как *пар*, *пары* [пАрý], *пѣра* [пѣрой, вѣпѣр'ит', принадлежат одной и той же фонеме и что различные гласные одной и той же корневой морфемы в таких словах, как *парá* [пАрá] и (*с тех*) *пѣр*, (*е*) *пѣру*, также принадлежат одной и той же фонеме. Но на основании сопоставления таких слов, как *пар* (им. падеж ед. числа) и *пор* (род. падеж мн. числа, например, в сочетаниях *с тех пор*, *с давних пор*), мы устанавливаем, что первая совокупность звуков речи (ѣ, А, а) и вторая совокупность звуков речи (а, А, о) принадлежат различным фонемам. В сопоставляемых словах соответствующий гласный звук занимает одно и то же порядковое место (именно второе), остальные же звуки обоих слов также удовлетворяют сформулированным выше требованиям: *п* слова *пар* и *п* слова *пор* образуют пару, каждый член которой занимает одно и то же (первое) порядковое место в своем слове, причем оба принадлежат одному и тому же звуку языка (*n*); *р* слова *пар* и *р* слова *пор* также образуют пару, каждый член которой занимает одно и то же (третье) место в своем слове, и оба принадлежат одному и тому же звуку языка (*p*).

Точно так же, например, различные звуки речи *к* в конце корневой морфемы *лук* в словах *лук* (им. падеж ед. числа), *лука* (род. падеж ед. числа) образуют совокупность, принадлежащую иной фонеме, чем совокупность звуков речи *к*, *г* в конце корневой морфемы *луг* в словах *лук* (им. падеж ед. числа), *луга* (род. падеж ед. числа). Поскольку слова состоят из морфем, тем самым рассматриваемые различные звуки языка входят и в некоторые морфемы. Но определять принадлежность различных звуков языка к различным фонемам следует на основании сопоставления сл о в, а не морфем, так как морфемы могут занимать различное место в слове, вследствие чего тождественные по порядку и месту звуки в различных морфемах могут находиться в различных фонетических (позиционных) условиях.

Под фонемой данного языка и понимается множество звуков речи, отличие которого от любых других множеств звуков речи данного языка определяется указанным выше способом. Различие фонем устанавливается на основании различия звуков в составе слов; слова же состоят из морфем, каждая из которых представляет определенную последовательность фонем. Поэтому вполне законно называть фонемы различителями или дифференциаторами морфем. Но само по себе выражение «фонема есть различитель (или дифференциатор) морфем» не является определением в строгом смысле.

Указанным выше путем и следует для каждого языка установить определенное конечное число множеств звуков речи, образующих различные фонемы данного языка. Практически это число, различное для разных языков, по крайней мере для тех, которые пока известны, больше 10 и меньше 100. Необходимо иметь в виду, что должно быть доказано отличие каждой фонемы данного языка от любой другой фонемы того же языка. Ведь из того, что $A \neq B$, а $B \neq C$, не следует, что $A \neq C$.

Из сказанного ясно, что фонемы и звуки языка данной языковой системы обычно представляют собой пересекающиеся множества звуков речи.

Множество звуков речи, все элементы которого принадлежат одному звуку языка и в то же время принадлежат более чем одной фонеме, образует варианты соответствующих фонем, причем каждый из этих звуков речи принадлежит варианту какой-либо из этих фонем.

Всегда ли фонемы и звуки языка образуют пересекающиеся множества звуков речи, сказать трудно. Теоретически мыслим такой язык, где звуки не подвергаются позиционным изменениям (подобным описанным выше или каким-нибудь другим) или же подвергаются лишь незначительным изменениям, не приводящим к тому, что тождественные или очень близкие друг к другу звуки речи, входящие в один и тот же звук языка, принадлежат двум различным фонемам. В данном случае некоторая группа звуков языка, представляющих собой какие-то множества звуков речи, целиком входит в одну фонему. Но практически вряд ли можно встретить такой язык, т. е. язык, где множества звуков речи, образующие звуки языка и фонемы, никогда бы не пересекались.

Множество звуков речи, образующее некоторую фонему, может содержать также и нуль, т. е. полное отсутствие звука. Это имеет место в том случае, если звук речи, входящий в состав соответствующей фонемы, занимающей определенное порядковое место в составе некоторой морфемы, в некоторых фонетических условиях фактически невозможен и подвергается утрате. Так, например, в русском языке невозможно сочетание согласных *стн*, и если морфема, оканчивающаяся сочетанием фонем *ст* (*ст'*), оказывается в слове непосредственно перед морфемой, начинающейся с фонемы *н*, *т* исчезает. Ср. *кость* — *костный* (фонетически *к'осн'ѣй*), *лесть* — *лестный* (фонетически *л'эсн'ѣй*), *место* — *местный* (фонетически *м'эсн'ѣй*) и т. д. Нуль, поскольку он является в данном случае совершенно независимо от того, с какой морфемой мы имеем дело, и зависит исключительно от фонетических условий, является также элементом тех множеств звуков речи, которые образуют фонемы *т* и *т'*. Мы говорим в таком случае о варианте нуль соответствующей фонемы.

Множества звуков речи, принадлежащие к таким звукам языка, которые входят целиком внутрь какой-либо фонемы, называются в *а* и *я* и *я* и той фонемы, внутрь которой они входят. Так, например, множество звуков речи, образующих звук языка *ä* переднего ряда под ударением между мягкими согласными (в таких словах, как *пятъ*, *мять*, фонетически *п'äт'*, *м'äт'*), как и множество звуков речи, образующих более заднее *а* под ударением перед твердым *л* и после твердого согласного (в таких формах, как *пälка*, *упäl*), представляют собой различные вариации фонемы *а*.

5. Любой звук речи входит в состав какой-то фонемы. Но некоторые звуки речи могут принадлежать более чем одной фонеме одновременно. Это имеет место, во-первых, в тех случаях, когда два звука речи, принадлежащие двум различным звукам языка, не могут стоять (вообще или в определенных условиях) в непосредственном соседстве, а если они встречаются вследствие того, что оказываются в непосредственном соседстве две морфемы, то оба звука речи замещаются третьим звуком речи, принадлежащим третьему, отличному и от первого и от второго, звуку языка. Этот последний звук речи входит одновременно в два класса звуков речи, образующих две разные фонемы — замыкающую первую из соседних морфем и начинающую вторую из этих морфем. Так, например, в русском языке сочетание согласных *тс* перед следующим согласным дает аффрикату *ц*, например *детский*, фонетически *д'эцк'ѣй* (о том, что первая морфема замыкается посредством *т*, а вторая начинается посредством *с*, свидетельствуют, с одной стороны, такие формы, как *дэтка*, *дэти*, с другой — такие, как *рижский*, фонетически *р'йшск'ѣй*). В данном случае и конкретный звук речи данного высказывания *ц*, принадлежащий звуку языка *ц*, входит (наряду с другими звуками речи) одновременно и в фонему *т*, и в фонему *с*. В то же время звук языка *ц* входит и в самостоятельную фонему *ц*.

Во-вторых, одновременно двум и более фонемам принадлежат звуки речи, входящие в состав некоторых морфем и постоянно представленные в таких фонетических условиях, для которых не может быть установлено различие соответствующих фонем. В качестве примера можно указать звуки типа *А* в первом предударном слоге таких русских слов, как *со-бака*, *ко-рова* (фонетически *сЛб́ака*, *кАр́ова*), находящиеся в таком фонетическом положении, где не может быть установлено различие фонем *а* и *о*. Группа фонем, представляющих собой взаимно пересекающиеся множества звуков речи, согласно терминологии московской фонологической школы, называется *г и п е р ф о н е м о й*. В приведенных выше примерах звуки речи представляют собой вариант одновременно фонем *а* и *о* или гиперфонемы *а — о*.

6. При определении фонемы совсем не использовалось понятие дифференциальных признаков. Это существенная категория фонологии, но устанавливать их для данного языка можно лишь тогда, когда определена система фонем этого языка и отношения между ними¹.

7. Настоящая статья имела целью, как уже было сказано, не принципиальное изменение, а лишь уточнение и дальнейшую разработку основных положений так называемой московской фонологической школы, формулированных в прежних работах ее представителей. Разграничение понятий звука речи и звука языка и определение фонем и звуков языка как множеств звуков речи делает возможным более четко определить отношения фонемы к ее различным модификациям (вариантам, вариациям). Таким образом, устраняется «важнейший», по мнению Р. И. Аванесова, «недостаток концепции московских фонологов», состоящий в «отсутствии четких граней у понятия фонемы»².

¹ Подробнее см.: П. С. Кузнецов, О дифференциальных признаках фонем, ВЯ, 1958, № 1.

² Р. И. Аванесов, Фонетика..., стр. 39.